

Автор перевода: Йатех

Stephen King, Owen King

Sleeping Beauties

1

— Джанет, ты когда-нибудь следила за квадратом света от окна? — спросила Ри соседку по камере.

— Нет.

Ри лежала на верхней койке, Джанет — на нижней. Обе ждали, когда дверь откроют, чтобы выпустить их на завтрак — в столовую. Утро как утро.

Казалось, соседка Джанетт по камере изучила этот квадрат от и до. Ри объяснила, что он возникает на стене напротив окна, скользит всё ниже и ниже, опускается на крышку стола, а затем падает на пол. Как раз посреди пола он сейчас и сиял вовсю.

— Ри, больше мне делать нечего, как следить за твоим квадратом.

— Да ладно! Конечно, тебе нечего делать.

Ри громко шмыгнула носом, что у неё означало веселье.

— Не знаю, что ты хочешь этим сказать, но хрен с ним, будь по-твоему, — уступила Джанет, и её соседка по комнате снова шмыгнула носом.

Ри была неплохой, но от молчания начинала нервничать, будто маленькая. Она сидела за мошенничество с кредитными картами, подлог и хранение наркотиков. Во всём этом Ри отнюдь не блистала, что и привело её сюда.

Джанет сидела за убийство. Весной две тысячи пятого она пырнула своего мужа, Демьена, в пах отвёрткой, а тот был под кайфом и поэтому просто сидел в кресле и истекал кровью, пока не умер. Она, разумеется, тоже находилась под кайфом.

— Я следила за часами, — продолжала Ри. — Засекала время. Свет проходит расстояние от окна до пола за двадцать две минуты.

— Ну всё, пора подавать заявку в книгу Гиннеса.

— Прошлой ночью мне снился сон. Мы с Мишель Обама ели шоколадный торт, она разозлилась и как закричит: «Ты от него растолстеешь!». А ведь сама тоже ела. — Ри шмыгнула носом. — Ха! Нет, это я выдумала. На самом деле мне снилась моя училка. Всё время говорила, что я не в том классе, а я ей всегда отвечала: «Нет, в том!», и тогда она говорила: «Ладно», на время возвращалась к уроку, потом снова говорила, что я не в том классе, и я возражала: «Нет, в том!». И так по кругу. Бесило ужасно! А тебе, Джанет, что снилось?

— Эээ... Джанет попыталась вспомнить и не смогла. От новых лекарств она вроде бы стала спать крепче, а раньше ей иногда снились кошмары о Демьене. Обычно он выглядел так же, как на следующее утро, когда уже был мёртвым и его кожа пестрила синюшными разводами, будто от растёкшихся чернил.

Джанет как-то поинтересовалась у доктора Норкрасса, не могут ли эти сновидения быть вызваны чувством вины. Доктор ответил ироничным прищуром, когда-то безумно выводившим Джанет из себя, и спросил, согласна ли она, что иногда банан — просто банан? Ладно. Намёк понят. В любом случае, Джанет по этим снам не скучала.

— Прости Ри, но ничего. Если что-то и было, я не запомнила.

Откуда-то снаружи донеслись шаги: охранник в последний раз делал обход. Скоро камеры на третьем этаже крыла «В» откроются.

Джанет зажмурилась. Она придумала сон. В нём тюрьма лежала в руинах и буйные заросли дикого винограда, увивавшие древние стены камеры, подрагивали на весеннем ветерке. Потолок почти исчез, сожженный временем — остался лишь небольшой навес. По горе ржавого хлама ползала пара крошечных ящерок. Порхали бабочки. Воздух

отдавал густыми запахами земли и прелых листьев. Рядом, заглядывая внутрь через брешь в стене, стоял впечатлённый зрелищем Бобби. Его мать была археологом и открыла это место.

— Думаешь, тебя допустят к телеигре? С судимостью-то?

Видение распалось. Джанет застонала. Что ж, это было приятно, хоть и не долго. Таблетки, определённо, облегчают жизнь, дают тихое уютное убежище. Надо отдать доктору должное: на химии проще. Джанет снова открыла глаза.

На неё тарачилась соседка по камере. Тюрьма есть тюрьма, что о ней говорить, но девчонке вроде Ри здесь безопасней. Выпусти такую в большой мир, того и гляди попадёт под колёса. Либо продаст травку копу из наркобригады, хотя у того на лбу написано «коп». Что она, собственно, и сделала.

— В чём дело? — спросила Ри.

— Да так, ничего. Просто я только что была в раю, а из-за твоего длинного языка всё пошло псу под хвост.

— Что?

— Не обращай внимания. Знаешь, а почему бы не сделать телеигру для тех, у кого судимость? Мы могли бы назвать её «Ложь во имя приза».

— Да, было бы здорово! А на что она будет похожа?

Джанетт села и, зевая, пожала плечами:

— Надобно ещё подумать. Ну, знаешь, правила разработать.

Их дом представлял собой типичную камеру: такими они были всегда и останутся до скончания времён, аминь. Десять шагов в длину, четыре — от нар до двери, гладкие бетонные стены, покрашенные в серовато-жёлтый. Покоробленные открытки и любительских фотографии — те немногие, до которых есть дело хоть кому-то — прикреплены зелёным пластилином в единственно-разрешённом для этих целей месте. Напротив стены — металлический столик, на

противоположной — короткий металлический стеллажик. Слева от ведра — стальная параша. Нужду приходится справлять на корточках, а ещё отворачиваться каждый раз, чтобы дать одна другой жалкую иллюзию уединения. В двери — окно на уровне глаз, через которое виднеется короткий коридор сквозь крыло «Б». Каждый дюйм и предмет пропитаны вездесущими тюремными запахами: потом, плесенью, лизолом.

В конце концов Джанет невольно всё же заметила квадрат солнечного света между нарами. Он почти добрался до двери... но дальше хода-то нет? Разве что вертухай отопрёт замок или откроет камеру с поста, а нет — солнечный зайчик здесь такой же узник, как и они.

— А кто станет ведущим? — спросила Ри. — Ведущий есть на каждой телеигре. И что с призами? Призы нужны хорошие. Мелочи, Джанетт. Надо обмозговать все мелочи.

Ри взбила подушку под головой повыше и, наматывая на палец тугой выбеленный локон, разглядывала Джанет. На лбу Ри, почти у кромки волос, виднелись шрамы — три глубокие параллельные линии, похожие на отметины от решётки гриль.

Джанет не знала откуда они взялись, но догадаться было несложно — мужчина. Отец или брат, или дружок, или какой-нибудь парень, которого Ри не видела раньше и не увидит больше. У заключённых исправительной тюрьмы «Дулинг», мягко говоря, особо неоткуда взяться историям о выигрыше призов. Зато историй о плохих парнях навалом. И что делать? Можно себя жалеть. Можно ненавидеть себя да и всех вокруг. Можно нафакаться чистящих средств, чтобы поймать кайф. Можно делать всё, что угодно — правда, в пределах узких рамок — но положение не изменишь. Теперь черёд крутануть сияющее колесо Фортуны наступит не раньше следующего пересмотра приговора в надежде на амнистию. Джанет хотела сосредоточить в своих руках как можно больше власти. Ей приходилось думать о сыне.

Из коридора донёсся раскатистый звук — это охранник с поста открывал шестьдесят два замка. Полседьмого, всем пора из камер на утреннюю переключку.

— Даже не знаю, Ри. Вот ты и обмозговывай. Я тоже подумаю, а затем обменяемся намётками, — Джанет свесила ноги с кровати и встала.

2

В нескольких милях от тюрьмы, дома у доктора Клинтона Норкрасса, Антон, чистильщик бассейна, сновал по веранде в поисках мёртвых жуков. Бассейн доктор презентовал своей супруге, Лайле, по случаю десятой годовщины их брака, но при взгляде на чистильщика часто сомневался в разумности такого подарка. Так было и сегодняшним утром.

Антон рассекал по веранде без рубашки, и по двум веским причинам. Во-первых, день обещали жаркий. Во-вторых, каменный пресс парня. А он рельефный, этот Антон — настоящий жеребец с обложки любовного романа, подумал доктор Норкросс. Если стрелять такому в живот, то под углом, чтобы не отрекошетило. Чем же он питается? Небось горами жрёт чистый протеин? А качается как? Чистит Авгиевы конюшни?

Антон поднял лицо, полуспрятанное блестящими стёклами рей-бенов «Странник», и с улыбкой помахал Клинту, наблюдавшему за ним из хозяйской спальни на третьем этаже.

— Боже правый, — прошептал тот под нос. — Смилуйся, имей жалость.

Клинт бочком отодвинулся от окна. В зеркале на двери закрытой ванной комнаты отразился сорокавосемилетний белый мужчина, бакалавр Корнеллского и доктор Нью-Йоркского университетов, немного располневший в талии из-за пристрастия к большому мокко в «Старбаксе». Борода «соль с перцем» выглядела, скорее, не по-лесорубски мужественно, а клочковато, как у одноногого морского капитана.

Какая ирония, что собственный возраст и всё более рыхлое тело воспринимаются как сюрприз, подумал доктор Норкросс. Всегда ведь свысока относился к мужскому тщеславию, в особенности к тщеславию тех, кому за сорок,

а накопленный профессиональный опыт, если на то пошло, ещё больше притушил такие склонности. По сути событие, ставшее главным поворотным пунктом его медицинской карьеры, произошло восемнадцать лет назад, в 1999-м, когда к нему, ещё молодому врачу, пришёл на приём потенциальный пациент по имени Пол Монтпелье, жаловавшийся на «кризис сексуальных амбиций».

— Что вы понимаете под «сексуальными амбициями»? — спросил он тогда у Монтпелье.

Амбициозные люди ищут карьерного роста. Нельзя стать вице-президентом секса. Эвфемизм был странным.

— Я... — Похоже, Монтпелье затруднялся с формулировкой, но наконец всё же подобрал слова и, откашлявшись, пояснил: — Я просто хочу по-прежнему им заниматься. Хочу быть сексуально активным.

— Не вижу в этом ничего амбициозного. Вполне нормальное желание, — ответил Клинт.

Он только-только закончил стажировку и ещё не начал дряблеть, второй рабочий день и всего второй пациент.

Первой к Клинту обратилась девушка-подросток, которую тревожило поступление в колледж. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что на тестах она набрала 1570 баллов из 1600 возможных. Клинт заявил, что это отлично, лечить нечего, и повторный приём не нужен. «Здорова!» — черкнул он внизу блокнота с желтоватой бумагой, какими некогда пользовался для записок.

На Поле Монтпелье была белая трикотажная безрукавка и брюки со стрелками. Он сидел в кресле напротив, закинув лодыжку на колено, и во время разговора держался за туфлю. Клинт видел, что на стоянке у приземистого офисного здания он припарковал красную спортивную машину. Монтпелье сделал хорошую карьеру в угольной промышленности, потому и смог позволить себе такой автомобиль, но озабоченное лицо пациента чем-то напоминало Клинту братьев Гавс, обычно мучивших Скруджа Макдака в старых комиксах.

— Моя жена говорит... ну, не настолько многословно, но, знаете, смысл прозрачен. Ээ, подтекст. Она хочет, чтобы я угомонился. Отказался от своих сексуальных амбиций.

Он вздёрнул подбородок.

Клин проследил за взглядом пациента. На потолке вращался вентилятор. Если Монтпелье сейчас обращается со своими сексуальными амбициями к Господу, они будут отвергнуты.

— Давайте, Пол, чуть вернёмся в прошлое. Как у вас с женой возникли разногласия на этой почве? С чего всё пошло?

— Я завёл интрижку. Опрометчивая случайная связь. А Рода, моя жена, возьми и вышвырни меня вон! Я объяснял, что дело не в ней, просто... у меня ведь есть потребности. У мужчин есть потребности, которые женщины не всегда понимают. — Монтпелье размял шею и с досадой прошипел: — Я не хочу развода! Подсознательно я верю, что это ей надо смириться. Принять меня таким, как есть.

Подавленность и отчаяние клиента не подлежали сомнению, Клинт легко представлял себе, как болезненна для Монтпелье эта внезапная отставка: жизнь на чемоданах, водянистые омлеты собственного приготовления вместо полноценного ужина. Не клиническая депрессия, но достаточно серьёзно и достойно уважения и помощи, пусть даже несчастный сам втравил себя во всё это.

Монтпелье, нагнувшись, выпятил начавший округляться живот.

— Будем честны. Мне скоро пятьдесят. Лучшие для секса деньки давно миновали. Я пожертвовал ими ради жены. Отдал ей. Менял подгузники. Ездил к детям на все игры и конкурсы, копил на колледж. Если представить брак в виде опросника, у меня будут галочки по каждому пункту. Так почему мы с ней не можем договориться? Зачем вся эта кошмарная несговорчивость?

Клинт не ответил, просто ждал.

— На прошлой неделе я посетил Миранду. Это та женщина, с которой я тогда спал. Мы занялись сексом в кухне. Занялись в спальне. Почти что смогли третий раз в душе. Я был на седьмом небе от счастья! Эндорфины! А потом вернулся домой, мы мирно поужинали всей семьёй, поиграли в «Эрудит», тоже всё хорошо! В чём проблема? Она надуманная, вот моё мнение. Почему я не могу позволить себе немного свободы? Разве я слишком много прошу? Что тут такого возмутительного?

Несколько секунд оба молчали. Монтпелье выжидательно смотрел на Клинта. А у того добрые слова носились в мозгу, словно головастики. Поймать относительно легко, и всё же что-то удерживает.

За спиной пациента, прислонившись к стене, стояла репродукция в рамке. Лайла подарила Клинту эту картину Хокни, чтобы «придать тепла обстановке». Рядом виднелись пока не распакованные до конца коробки с медицинскими книгами.

«Этот человек нуждается в помощи, — подумал Клинт, и лучше её оказать в таком вот уютном, спокойном кабинете. Но должен ли этим человеком быть я? В конце концов я очень много трудился, чтобы стать врачом, и не было никаких родительских накоплений на мою учёбу. Я вырос в трудных условиях и сам платил за свой путь в лучшую жизнь, причём порой большим, чем деньги. Чтобы выкарабкаться из дерьма приходилось делать то, о чём никогда не расскажешь жене. И всё ради этого? Чтобы лечить сексуально амбициозного Пола Монтпелье?»

Широкое лицо пациента чуть поморщилось в виноватой гримасе.

— Да ладно! Давайте, не жалейте. Я поступаю неправильно, так?

— Нет, всё хорошо, — успокоил его Клинт и на следующие полчаса сознательно отнёс в сторону всякие сомнения. Проблему вытащили на свет и рассмотрели со всех сторон. Обсудили различие между желанием и потребностью. Поговорили о миссис Монтпелье и её приземлённых, по мнению пациента, вкусах в спальне. Даже предприняли

экскурс в прошлое, и Пол Монтпелье с удивительной честностью рассказал о своём первом сексуальном опыте: как он подростком мастурбировал в пасть мягкой игрушки – крокодила, принадлежавшего младшему брату.

Клинт, как того требовал профессиональный долг, спросил:

– Скажите, мистер Монтпелье, у вас когда-нибудь возникали мысли себе навредить?

– Нет.

Интересно, как бы Монтпелье себя чувствовал, если бы они с женой поменялись ролями, подумал Клинт. Тот хотел сказать ей, чтобы поступала, как знает.

– Где вы видите себя через пять лет?

Тут пациент разразился слезами.

В конце приёма он сказал, что уже с нетерпением ждёт следующего. Как-только за ним закрылась дверь, Клинт позвонил обслуживающему персоналу и распорядился, чтобы все его звонки перенаправляли психотерапевту в Мейлоке, городе по соседству.

Оператор поинтересовалась надолго ли.

– Пока не передадут, что в аду пошёл снег, – ответил Клинт, наблюдая из окна, как Монтпелье садится в свою красную спортивную машину и выруливает со стоянки, навсегда исчезая из его жизни.

Следующим делом он позвонил жене.

– Привет, доктор Норкросс.

От её голоса сердце Клива, что называется, запело. Или, по крайней мере, близко к тому.

Она поинтересовалась, как ему второй рабочий день.

– Да так, только что заходил самый большой себялюб в Америке.

– Правда? Мой отец что ли? Спорю, картина Хокли его смутила.

**Конкурс на лучший перевод фрагмента первой главы романа Стивена и Оуэна
Кингов *Sleeping Beauties***

Организаторы: сайт "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru>) и
Виктор Вебер

Его жена отличалась живым умом, была интеллигентной и нежной, вспыльчивой, и упрямой. Лайла любила его, но не упускала случая поставить на место. Пожалуй, он в этом нуждался. Как и большинство мужчин.

— Ха-ха. Послушай, ты там упоминала про вакансию в тюрьме. От кого ты о ней услышала?

Секунды две прошло в тишине: Лайла обдумывала подоплёку вопроса. Затем ответила собственным:

— Клинт, к чему ты клонишь?

Ему и в голову не пришло, что жена может расстроиться из-за решения бросить частную практику ради государственной службы. Клинт был уверен, что она не станет.

Хвала Господу за Лайлу.

© Перевод Йатех, 2017